

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 130.2; 141

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-408-412

Людвиг Витгенштейн и антропологический опыт в картине мира

¹ Кузнецов А.В., ^{1,2} Римский В.П.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

² Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7.

kuznetsov_a@bsu.edu.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. В эссе реализована цель проследить истоки концепта «картина мира» и роль Л. Витгенштейна в его возникновении в связи с проблемой антропологического опыта в рациональном познании. Выявлено, что Л. Витгенштейн первым ввёл концепт «картина мира» и выдвинул идею идентичности логической структуры языка онтологической логике мира, что и позволяет нам в простых логических высказываниях рационализировать эмпирические, наблюдаемые факты, связанные с экзистенцией и опытом человека. В ряде мыслительных систем, таких как искусство, этика и метафизика, язык обнаруживает порой бессмысленность, так как касается описания ненаблюдаемых (иррациональных) фактов, поэтому здесь лучше молчать (перед самим фактом возможной «бессмысленности языка»).

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, язык, опыт, человек, картина мира

Для цитирования: Кузнецов А.В., Римский В.П. 2024. Л. Витгенштейн и антропологический опыт в картине мира. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(2): 408–412. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-408-412

Ludwig Wittgenstein and the Anthropological Experience in the Picture of the World

¹ Andrey V. Kuznetsov, ^{1,2} Victor P. Rimskiy

¹ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation;

² Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308007, Russian Federation

kuznetsov_a@bsu.edu.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Abstract. The purpose of the essay is to trace the origins of the concept "worldview" and the role of L. Wittgenstein in its emergence in connection with the problem of anthropological experience in rational cognition. It was revealed that L. Wittgenstein was the first to introduce the concept of "worldview" and put forward the idea of the identity of the logical structure of language to the ontological logic of the world, which allows us to rationalize empirical, observable facts related to human existence and experience in simple logical statements. In a number of thought systems, such as art, ethics and metaphysics, language sometimes reveals meaninglessness, since it concerns the description of unobservable (irrational) facts, therefore it is better to remain silent here (before the very fact of the possible "meaninglessness of language").

Keywords: L. Wittgenstein, M. Heidegger, language, experience, man, worldview

For citation: Kuznetsov A.V., Rimsky V.P. 2024. Ludwig Wittgenstein and the Anthropological Experience in the Picture of the World. *NOMOTHETIKA: Philosophie. Soziologie. Law*, 49(2): 408–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-408-412

Людвиг Витгенштейн фактически первым ввёл в философский и гуманитарный дискурс концепт «картина мира». Не «научная картина мира» и не «образ мира», как переводят часто соответствующий термин *Bild der Welt* [Витгенштейн, 2017, с. 40 и др.], а именно «Картина мира». Впервые этот концепт появляется в «Логико-философском трактате» в пункте 2.0212: «2.0212 Тогда было бы невозможно построить Картину Мира, истинную или ложную» [Витгенштейн, 2005, с. 34]. Отметим, что перевод В.П. Руднева более соответствует оригиналу на немецком языке: «2.0212. Es wäre dann unmöglich, ein Bild der Welt (wahr oder falsch) zu entwerfen» [Витгенштейн, 2017, с. 40]. В.П. Руднев даёт интересный уточняющий комментарий к термину, вводимому Л. Витгенштейном: «Термин "Картина Мира" и отчасти синонимичный ему термин "модель Мира" широко употребляется в семиотике и структурной антропологии, но восходит, по-видимому, не к Витгенштейну, а к Лео Вайсгерберу, употребившему этот термин (*Weltbild*), независимо от Витгенштейна» [Витгенштейн, 2005, с. 34]. Но сам Л. Вайсгербер употреблял термин «языковая картина мира» и свою теорию создавал не без влияния философии культуры Эрнста Кассирера. Вслед за Л. Вайсгербером и Л. Витгенштейном его разрабатывал в экзистенциальном измерении М. Хайдеггер: «Основной процесс Нового времени – покорение мира как картины. Слово "картина" означает теперь: конструкт опредмечивающего представления» [Хайдеггер, 1993, с. 52]. Поэтому можно считать, что этот концепт уже витал в «духе времени» между двумя мировыми войнами XX века. Однако мы думаем, что пальма первенства принадлежит именно Л. Витгенштейну, мало ориентированного на чьи-либо влияния и тексты.

В.П. Руднев интересно комментирует культурно-исторический контекст концепта «картина мира»: «Ясно, что раз мы, исходя из 2.0212, не знали бы, какие Пропозиции истинны, а какие нет, мы не могли бы построить такую Картину Мира, о которой бы мы знали, является ли она истинной или ложной. То, что мы могли бы построить, было бы построением бесконечных виртуальных Картин Мира, не совпадающих с реальной Картиной Мира. В XX веке, тем не менее, утвердилась идея построения Картин Мира именно в виртуальном смысле. Осознание невозможности построения истинной Картины Мира в связи с утерей логических констант (недаром ведь Витгенштейн не привел ни одного примера простого Предмета) компенсировалось осознанием полезности построения множества моделей возможных Миров, или виртуальных реальностей, где «неполнота компенсировалась стереоскопичностью»...» [Витгенштейн, 2005, с. 34]. Важно, что переводчик и комментатор выводит нас именно на контексты философии культуры в употреблении концепта «картина мира».

Можно привести и другой пункт «Логико-философского трактата» о «картине мира», часто цитируемый в работах интерпретаторов: «3.01 Совокупностью всех истинных Мыслей является Картина Мира».

В отличие от Вайсгербера, для которого *Weltbild* – это обыкновенная научная метафора, Витгенштейн действительно представляет себе Картину Мира как огромное полотно, элементами которого являются все истинные Пропозиции [Витгенштейн, 2005, с. 54]. И приведём немецкий оригинал: «3.01. Die Gesamtheit der wahren Gedanken sind ein Bild der Welt» [Витгенштейн Л. 2017, с. 50], где речь идёт о «картине мира», но никак не об «образе мира».

Идея и концепт Л. Витгенштейна «картина мира» обретает контуры не столько «физического» порядка, сколько философско-культурологического и требует концептуальных оснований антропологического опыта, который выражается в том, что легитимирует картину мира, которая воплощается в естественнонаучных и социально-гуманитарных дискурсах, как воплощенная интересубъектность. Антропологический опыт легитимирует картину мира как условие фундирования и создания научных теорий, руководствуясь как готовым естествознанием, так в известной степени и плюрализмом интерпретаций природных и социальных феноменов, при этом сохраняя консенсус относительно базовых принципов научной обоснованности и достоверности.

В «Философских исследованиях», опубликованных посмертно, Л. Витгенштейн ещё больше погрузился в иррациональную стихию повседневного языка человеческого общения и роли языковых игр в создании обыденной картины мира, что позволило говорить о том, что он сводит философию и логику к психотерапевтическим практикам. В поздних рукописях философ прямо обращается к иррациональным и экзистенциальным проблемам человеческого бытия в их языковой осмысленности или бессмысленности, в чем сказалось, несомненно, его раннее увлечение идеями А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора.

Несомненно, что идеи Л. Витгенштейна повлияли в первой трети XX века на теории лингвистической относительности, роли категорий языка и когнитивных категорий в построении картин мира Э. Сепира и Б. Уорфа, которые в свою очередь можно соотнести с поисками западной антропологии во главе с Ф. Боасом социокультурной обусловленности архаических картин мира. Возможно, идеи Витгенштейна, гипотеза Сепира – Уорфа, а также работы американской культурной антропологии были восприняты в исследованиях советской школы культурно-исторической психологии, основание которой заложил Л.С. Выготский в 30-е годы прошлого века.

И всё же: почему антропологический опыт? Действительно, на первый взгляд представляется неким конъюнктурным понятием: мол, со времен классиков всегда был просто ОПЫТ, а тут авторы опровергают авторитет философской и научной классики. Дело не просто в том, что надо было просто усилить термин «опыт» в измерении философской антропологии словом «антропологический». Когда-то нам казалось, что «философский опыт» подобен «опыту» физиков-эмпириков, экспериментаторов: опыт – сын ошибок трудных... Будущим учёным часто объясняют, что эксперимент – это не про то, как естествоиспытатель описывает, считает в лаборатории всё, что происходит в искусственно сконструированной предметной ситуации. Датский физик Х.К. Эрстед говорил, что в принципе бессмысленно просто фиксировать и измерять в лаборатории или в природных условиях все подряд, как некий «внешний и объективный опыт», так как это вовсе не наука – должна быть не только определенная идея, предвидение, гипотеза, но и жизненная целеустремлённость учёного, какой-то его «жизненный», то есть антропологический опыт.

Что нам формально дает понятие «антропологический опыт»? Формально – это сужение объема понятия. В этом и проблема, потому что содержательно антропологический опыт – это более глубокий концепт, чем просто «объективный опыт» учёного. Действительно, бессмысленно здесь рассуждать о видах человеческого опыта: физический, мистический, сексуальный и т.д.; и даже о типах опыта: человеческий или «нечеловеческий»...

Да, есть опыт только человеческий, но это опыт именно антропологический, экзистенциальный, который и отличает нас от животных и от искусственного интеллекта, который скоро заменит, возможно, учёного, добывающего «внешний», «лабораторный опыт». Наш антропологический опыт – это опыт жизни и смерти. И вновь приходят на ум

слова Л. Витгенштейна: «6.4311 Смерть никакое не событие жизни, – писал он. – Смерть не переживается. Если под вечностью понимают не бесконечную временную продолжительность, но, скорее, отсутствие времени, то вечно живет тот, кто живет в настоящем. Наша жизнь так же бесконечна, как безгранично наше поле зрения» [Витгенштейн, 2005, с. 215]. «Наше поле зрения» – это и есть «антропологический опыт».

Мы не знаем «других опытов», кроме своего собственного, и в этом проблема, так как «других» мы судим по себе даже тогда, когда пытаемся объяснить поведение животных с точки зрения человеческой психики, для которой эти животные – собаки, удавы и другие гады – просто не имеют опыта сознания, опыта целеполагания, любви и ненависти, жизни и смерти. А мы проецируем собственный антропологический опыт на них, не осознавая в обыденности, что очеловечиваем и этих «тварей господних», и мир в целом.

Что нас заставляет это делать, ведь синкретизм мифотворчества давно должен быть в прошлом? Но мы до сих пор заявляем: мы с тобой одной крови, я есть ты, или я есть мир, а мир есть я... Может быть, поэтому не случайно Л. Витгенштейн начинает свой трактат такими словами: «1 Die Welt ist alles, was der Fall ist. ... Мир – это все, чему случается быть» [Витгенштейн, 2005, с. 18]. Да, антропологический опыт – это огромная, специфическая дистанция от рефлексов «собаки Павлова» или «амёбы Поппера», и при этом неповторимая! Антропологический опыт – это опыт бытия, бытия в жизни и смерти, во времени и в вечности.

Сейчас мы стали более искушенными в «деталях» мозга, его морфологии по сравнению с новоевропейским временем. И понимаем разницу, порой принципиальную, между вороной (у которой нет коры головного мозга – иной эволюционный путь) и человеком с его сознанием и бессознательным. Антропологический опыт выступает единством опыта внешнего и внутреннего, подобно аллегорическому ветхозаветному единству имени Бога и Бога, как СЛОВО или абсолютный контекст – результат становящегося процесса, аналогичного Абсолютной идее Гегеля, только наоборот.

Но часто слов нам и не хватает. Поэтому и хочется закончить наш текст последним тезисом Л. Витгенштейна: «7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Витгенштейн, 2017, с. 218].

Список литературы

- Витгенштейн Л. 2005. Избранные работы; пер. с нем. и англ. В.П. Руднева. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 440 с.
- Витгенштейн Л. 2017. Логико-философский трактат. Переведено с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И.С. Добронравовым и Д.Г. Лахути; Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 288 с.
- Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 445 с.

References

- Wittgenstein L. 2005. Selected works; translated from German. and engl. V.P. Rudnev. Moscow: Publishing house "Territory of the future", 440 p.
- Wittgenstein L. 2017. A logical and philosophical treatise. Translated from German and checked with the authorized English translation by I.S. Dobronravov and D.G. Lahuti; Ser. "Monuments of Philosophical Thought". M: Canon + ROOI "Rehabilitation", 288 p.
- Heidegger M. 1993. Time and Being: Articles and speeches: Translated from German. M.: Republic, 445 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 21.04.2024
Поступила после рецензирования 11.05.2024
Принята к публикации 01.06.2024

Received April 21, 2024
Revised May 11, 2024
Accepted June 01, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Kuznetsov, Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Victor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Full Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.